



УДК 101.1

© Ю. А. Леонтьев, 2009

## КРИЗИС ПОСТМОДЕРНИЗМА И ВОЗВРАЩЕНИЕ «РЕАЛЬНОГО»

*Леонтьев Ю. А.* – канд. филос. наук, доц. кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины», тел.: (4212) 73-88-52, e-mail: leontevy@yandex.ru (ХПИ ФСБ России)

Анализируются онтологические предпосылки критической стратегии постмодернизма, направленной на устранение «реального». Рассматривается одна из репрезентативных попыток критического преодоления этой стратегии путем ее виртуализации. Демонстрируется, что данная попытка не устраняет фундаментальные логические изъяны этой стратегии. Обосновывается логическая неизбежность реставрации концепта «реального».

The author analyzes the ontological premises of the post-modernism critical strategy which is aimed at elimination of «the real» and considers one of the representative attempts of critical overcoming this strategy by its virtualization. The article shows that the given attempt does not eliminate fundamental logical defects of this strategy and proves logical inevitability of restoration of concept of «the real».

*Ключевые слова:* постмодернизм, виртуальная онтология, деконструкция, инверсионная метафизика, поппулизм, реальное.

Один из самых популярных европейских философов последнего десятилетия Славой Жижек, описывая ситуацию после 11 сентября 2001 года, использовал фразу из культового фильма братьев Вачовски «Матрица»: «Добро пожаловать в пустыню реального!» [1]. Основной урок и сущность новой ситуации, согласно Жижеку, состоит в том, что «позднекапиталистический потребительский ... рай при всей своей гиперреальности, по сути, ирреален, несубстанционален, лишен материальной инерции ... окончательная истина капиталистической утилитарной бездуховной вселенной состоит в дематериализации самой «реальной жизни», в превращении ее в призрачное шоу» [1]. Однако сделанное более пяти лет назад предупреждение не было услышано. Так называемые деривативы (аналог сфер, описанных П. Слотердайком [2]) – это лишь экономическая аватара фундаментальной онтологической установки постмодернизма на окончательное изгнание «призрака реального» и, говоря словами С. Жижека, «расширения фантазма до размеров сообщества» [1]. Можно сказать, что сегодняшний мировой экономический кризис – это,

прежде всего, кризис виртуалистики как онтологии. Таким образом, это и мировоззренческий кризис, стимулирующий попытки философского анализа не только ситуации в целом, но и собственно онтологических предпосылок, фундирующих виртуальную онтологию. Наибольший вклад в размывание традиции, в изгнание «призрака реального», внесла философия постмодернизма. Поэтому критика виртуальной онтологии, как правило, совпадает с критикой постмодернизма как концептуальной стратегии.

Критические выпады в адрес постмодернизма в отечественной философской (и не только философской) литературе появились сразу же, как только постмодернизм вошел в моду. Однако чаще всего эта критика велась преимущественно в мировоззренческом (часто оценочном) плане, а не в аналитическом (более продуктивном для критического преодоления). Заведомое неприятие мировоззренческих импликаций постмодернизма имело минимальное воздействие на оппонентов и было избыточным для единомышленников. Вот несколько образцов такой эмоциональной полемики:

«Удивительно, что на наших глазах ниспровергается человек, его природное окружение, культура и история, дискредитируются, представляя в качестве недоумков его самые величайшие умы – и это как бы никто не видит. Культура сдается на милость технократии почти без боя. Больше того, если Платона, Декарта, Канта, не говоря о «материалистах», можно оценивать откровенно презентистски, антиисторически, можно даже поносить, то о Фуко, Деррида, Рорти говорить принято с пиететом. Допустимы небольшие сомнения и почтительно вопрошающие замечания, которые бы не портили общего стиля ученического освоения их идей» [3].

«Философия (в русле постмодернизма – Ю. Л.) превратилась в занятие, не предполагающее существенной интеллектуальной ответственности, а понятие Истины (тем более с большой буквы) стало запретным, почти неприличным» [4].

«Ясно, что подлинный смысл вся эта система деконструкции обретает в свете проекта нового освобождения собственнического класса от прежних социальных и моральных ограничений, в свете его войны с цивилизацией во имя торжества социал-дарвинистского «естественного порядка» [5].

Примеры можно множить и множить. Однако гораздо важнее и продуктивнее проанализировать данный феномен изнутри, в контексте его собственных предпосылок и установок. В этом отношении гораздо интереснее критический анализ сторонников, а не ярых противников.

Неудовлетворенность итогами постмодернистского философствования начала осознаваться уже на рубеже XX и XXI столетий. Возникли попытки раскрыть новый потенциал постмодернистской стратегии, получившие название «after-postmodernism». Причем подобные попытки, главным образом, отталкиваются от последней по времени и, пожалуй, самой популярной концептуальной стратегии постмодернизма – деконструкции Ж. Деррида.

Одной из наиболее ярких таких попыток является, на наш взгляд, концепция русско-американского философа М. Эпштейна, представленная в ра-



ботах «Философия возможного», «Знак пробела» и других, где в контексте критики деконструкции Ж. Деррида предлагается модифицированная философская стратегия – POSSIBILITY, т. е. возможностный способ философствования. Ниже мы продемонстрируем ключевые пункты этой критики и покажем, что предлагаемый проект усовершенствования постмодернизма несет в себе те же самые логические изъяны, с неизбежностью разрушающие чисто виртуалистскую стратегию и обосновывающие необходимость «реального» как неустранимого коррелята.

Главные пункты атаки постмодернизма на классику хорошо известны. Как подчеркивает М. Эпштейн, главный объект деконструктивистской критики – метафизика присутствия, или, конкретнее, трансцендентальное означаемое. Главная цель – тотальное устранение означаемого и замена философии как попыток прорыва к трансцендентному и рационализации своих собственных состояний в ситуациях трансцендирования, на философию как свободную игру одних только означающих без всяких претензий и даже намёков на какой-либо трансцензус.

Однако такой проект таит в себе серьёзное затруднение. Говоря языком философской классики, подобный проект преодоления всякого реализма способен перевести философствование в план чистого номинализма, что неизбежно ведёт к реставрации метафизики. Вот как описывает данную ситуацию М. Эпштейн: «Реализм – это метафизика означаемых, т. е. присутствие общих понятий как реальных вещей. Номинализм – это метафизика означающих, т. е. присутствие самих знаков как реальных вещей. Устраняя реалистическую метафизику означаемых, деконструкция рискует впасть в номиналистскую метафизику означающих, поскольку предполагается, что все знаки отсылают только к самим знакам ... Даже если согласиться с Деррида, что «сама вещь есть знак», к этому следует добавить: знак всё-таки не есть вещь. Знак отличается от вещи тем, что имеет значимость, т. е. условную модальность значения, свойство отсылать к чему-то иному за пределом знака» [6].

Действительно, интенция на редукцию означаемого – один из лейтмотивов в работах Ж. Деррида. Именно этой цели, прежде всего, служат дерридианские концептуальные неологизмы: «differAnce», «след», «supplement» и др. Прежде всего, борьба с означаемым ведётся путем замены понятия «знак» (которое определяется через отношение означающего к означающему) на понятие «след», которое якобы позволяет этого избежать. Но так ли это? Вот что по этому поводу пишет Михаил Эпштейн: «Если доверять значению слова, то именно след создаёт настойчивое представление о присутствии «наследившего», одержим идеей *пре-след-ования*, т. е. нахождения по следу того, кто оставил след. След исключает алиби, это всегда след кого-то или чего-то» [6].

Для того чтобы исключить всякий намёк на трансцендентный смысл, Деррида обставляет употребление термина «след» всевозможными оговорками. Вот пример из «Marges – de la philosophie»: «Всегда отличая и отсрочивая, след никогда не предъявляет себя таким, каков он есть. Он стирает себя в

момент предъявления, заглушает себя в момент звучания...» [6]. Тем не менее, по мнению М. Эпштейна, ««след» в истолковании Деррида, несмотря на все оговорки, а точнее, благодаря им, становится именно тем, чего автор старается избежать, – метафизической сущностью. Дело в том, что автор (Деррида – Ю. Л.) очищает след от следов всякого «иноприсутствия» настолько, что след становится чем-то самотождественным ... принимает метафизический характер особой сущности, особого первоначала» [6]. И ещё: «Вообще всякое радикальное устранение метафизики само по себе ведет к метафизике; категорическое изгнание присутствия по ту сторону следа как его «трансцендентного» подлинника восстанавливает это присутствие по эту сторону, в имманентности самого следа ... «Отсрочка» и «след» встают в один ряд с «восполнением» («supplement»), которое принадлежит к тому же числу «лукавых», (анти) метафизических терминов Деррида. Их коварство – не только в предусмотренной автором двусмысленности, посредством которой он старается обойти «с тыла» однозначность метафизических концепций. Они коварны в том смысле, что обходят и намерения самого автора, учреждая метафизику в тылу его собственной мысли» [6].

Главная идея критического анализа Эпштейна состоит в том, что Деррида не использовал в должной мере единственную, по мнению самого Эпштейна, возможность преодоления метафизики без воссоздания инверсионной метафизики, а именно – перевод философствования из модальности действительного в модальность возможного.

При этом данный переход к новому, возможностному образу философии, согласно концепции Эпштейна, должен быть осуществлен весьма нетривиальным образом. Дело заключается не в простом умножении возможных концепций, а в разработке возможностного способа философствования.

Ключевыми концептами, задающими этот способ философствования, являются «критерий интересного», замещающий собой критерии истинности и объективности, и концепт «малые метафизики» как альтернатива «большой метафизике» классики. Сам М. Эпштейн так определяет данные понятия: «Интересность – это соотношение, образуемое дробью, в числителе которой стоит достоверность доказательства, а в знаменателе – вероятность доказуемого» [6]; «Малые метафизики не являются метафизиками в собственном смысле, поскольку не содержат утверждения о сверхчувственных, неизменных и всеобъемлющих началах бытия. Они строятся как *метафизический жест* (выделено мной – Ю. Л.), снимающий свою метафизичность именно тем, что предлагает ее в качестве жеста. Метафизика здесь демонстрирует только свою возможность, которая включает возможность иных метафизик» [6].

Аргументы, приводимые М. Эпштейном, весьма остроумны, и с критической частью его работы трудно спорить. Можно лишь, вероятно, возразить относительно утверждения о том, что последовательно проведенная деконструкция уничтожает самое себя. Дело в том, что деконструкция – это прежде всего метод. И деконструкция конституируется именно применением этого



метода. Таким образом, даже разрушая себя как объект, деконструкция воспроизводится в самом деконструировании в качестве метода.

Относительно же позитивной части работы возникает гораздо больше возражений. Во-первых, точно также как знак отсылает к означаемому, а след к наследившему, возможное отсылает прежде всего к действительному, а не только к другим возможностям. Ведь и след отсылает не только к наследившему, но и другим следам. Возможен не только плоскостной мир номинализма означающих (как совершенно справедливо указывает М. Эпштейн), но и, не менее плоскостной, мир номинализма возможного, если устраняется корреляция с действительным.

Во-вторых, критикуя деконструкцию за релятивизм, М. Эпштейн заменяет релятивизацию POSSIBILIZATION, претендуя тем самым на устранение затруднений, связанных с релятивизмом. Но ведь в основе и релятивизма, и POSSIBILIZATION лежит, прежде всего, устранение реального, действительного, того, о чем принято говорить как существующем «на самом деле». Бесконечность интерпретации следа вследствие отсутствия реального означаемого ничем принципиально не отличается от бесконечного умножения возможностей вследствие отсутствия действительного. Овозможествление действительности по сути не отличается от объявления всех возможностей равно действительными. И хотя М. Эпштейн постоянно говорит о том, что это не одно и то же, данное утверждение остается на уровне декларативного жеста автора, но не становится в тексте работы достаточно обоснованным аргументом. По сути, речь идет и там и там об устранении действительного как коррелята.

В третьих, метафизичность малых метафизик, согласно концепции М. Эпштейна, преодолевается с помощью «жеста». Приведем еще раз цитированный выше фрагмент: «Они (малые метафизики – Ю. Л.) строятся как метафизический жест, снимающий свою метафизичность именно тем, что предлагает ее в качестве жеста. Метафизика здесь демонстрирует только свою возможность, которая включает возможность иных метафизик» [6]. А теперь зададимся вопросом, изменится ли что-нибудь по сути, если заменить «жест» М. Эпштейна на «след» Ж. Деррида? Ведь и «жест» и «след» это, прежде всего, приглашения. Приглашения к диалогу, к новым интерпретациям, к созданию альтернативных малых метафизик, вообще говоря, это способы заинтересовать читателя, чтобы пригласить его к танцу. Это способы преодолеть пресловутую однозначность и заковать трансцендентальное означаемое. «Жест» – такое же «лукавое понятие», как и «след».

Приведенных аргументов уже достаточно для вывода о том, что как любая попытка устранения метафизики приводит к реставрации метафизики, так и любая деконструкция деконструкции воспроизводит деконструкцию. Однако, если и деконструкцию, и POSSIBILIZATION рассматривать как попытки выявления новых возможностей метафизики в широком аристотелевском понимании этого термина, то критика этих стратегий, приведенная выше, раскрывает именно тот самый коммуникативный аспект проблемы демаркации, необходимость разработки которого была обоснована автором в предыдущей

статье [7]. Таким образом, критика недостатков указанных стратегий превращается в подчеркивание их достоинств.

Однако сами авторы данных стратегий претендуют именно на радикальное преодоление традиционной метафизики. В этом случае имеет смысл говорить о правомерности приведенных возражений. Причем следует отметить, что возражения, направленные против деконструкции и против попперизма принципиально одинаковые. Данное обстоятельство вызвано, на наш взгляд, тем, что и Ж. Деррида, и М. Эпштейн слишком переоценивают возможности языка. Новый дискурс создает новый мир только в плане логической возможности, но есть еще и возможность фактическая. И только различение этих возможностей позволяет избежать плоскостного номинализма, лишённого глубины, который так остроумно и справедливо критикует М. Эпштейн. При всей важности и тотальности языка его все же нельзя возводить в абсолют. Еще Будда, согласно преданию, подчеркивал, что палец, указывающий на Луну, не есть сама Луна.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к проблеме экспликации «реального», а значит, к рефлексии над проблемой трансцендентного горизонта. Попытка постмодернизма «решить» эту проблему путем лишения ее статуса осмысленности не увенчалась успехом. Таким образом, «призрак реального», поблуждав по периферии философской моды, вновь возвращается в эпицентр философских дискуссий.

### Библиографические ссылки

1. *Жижек С.* 13 опытов о Ленине. М., 2003.
2. *Слотердаjk П.* Сферы. Микросферология. Т. 1. Пузыри. СПб., 2005..
3. *Кутырев В. А.* Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. 2003. № 1.
4. *Евламтцев И. И.* Неклассическая метафизика или конец метафизики? Европейская философия на распутье // Вопросы философии. 2003. № 5.
5. *Панарин А. С.* Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных обязательств // Вопросы философии. 2003. № 6.
6. *Эпштейн М. Н.* Философия возможного. СПб., 2001.
7. *Леонтьев Ю. А.* Демаркационная проблема в философии // Вестник ТОГУ. 2008. № 3(10).